

ИОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ

TRISTIA

PETRO
POLIS

1921

TRISTIA

Настоящее издание
отпечатано въ ко-
личествѣ трехъ ты-
сячъ экземпляровъ.
Изъ нихъ сто нуме-
..... рованныхъ

Facsimile Edition by
Ardis
Ann Arbor, 1972

О. МАНДЕЉШТАМЪ

TRISTIA

ПЕТЕРБУРГЪ-БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

— Какъ этихъ покрываль и этого убора
Мнѣ пышность тяжела средь моего позора!

— Будеть въ каменной Трезенѣ
Знаменитая бѣда,
Царской лѣстницы ступени
Покраснѣють отъ стыда,

.
.

И для матери влюбленной
Солнце черное взойдетъ.

— О, если бѣ ненависть въ груди моей кипѣла —
Но, видите, само признанье съ устъ слетѣло.

— Чернымъ пламенемъ Федра горить
Среди бѣлаго дня.
Погребальный факель горить
Среди бѣлаго дня.
Бойся матери, ты, Ипполитъ:
Федра — ночь — тебя сторожить
Среди бѣлаго дня.

— Любовью черною я солнце запятнала,
Смерть охладить мой пылъ изъ чистаго фіала...

— Мы боимся, мы не смѣемъ
Горю царскому помочь.
Уязвленная Тезеемъ
На него напала ночь.
Мы же, пѣснью похоронной
Провожая мертвыхъ въ домъ,
Страсти дикой и безсонной
Солнце черное уйдемъ.

1916

ЗВЪРИНЕЦЪ.

1

Отверженное слово „миръ“
Въ началѣ оскорбленной эры;
Свѣтильникъ въ глубинѣ пещеры
И воздухъ горныхъ странъ — эфиръ;
Эфиръ, которымъ не сумѣли,
Не захотѣли мы дышать.
Козлинымъ голосомъ, опять,
Поютъ косматыя свирѣли.

2

Пока ягнята и волы
На тучныхъ пастбищахъ водились
И дружелюбные садились
На плечи сонныхъ скалъ орлы, —

Германецъ выкормилъ орла,
И левъ британцу покорился,
И галльскій гребень появился
Изъ пѣтушинаго хохла.

3

А нынѣ завладѣлъ дикарь
Священной палицей Геракла,
И черная земля изсякла,
Неблагодарная, какъ встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду изъ нея.
Пускай уходитъ въ ночь глухую
Мной всполошенное звѣрье.

4

Пѣтухъ, и левъ, и темно-бурый
Орелъ, и ласковый медвѣдь —
Мы для войны построимъ клѣть,
Звѣриныя пригрѣмъ шкуры.
А я пою вино временъ,
Источникъ рѣчи италійской,
И, въ колыбели праарійской,
Славянскій и германскій лень.

5

Италія, тебѣ не лѣнь
 Тревожить Рима колесницы,
 Съ кудяхтаньемъ домашней птицы
 Перелетѣвъ черезъ плетень?
 И ты, сосѣдка, не взыщи:
 Орель топорщится и злится.
 Что, если для твоей пращи
 Тяжелый камень не годится?

6

Въ звѣринцѣ заперевъ звѣрей,
 Мы успокоимся надолго,
 И станетъ полноводнѣй Волга,
 И рейнская струя свѣтлѣй.
 И умудренный человѣкъ
 Почтитъ невольню чужестранца,
 Какъ полубога, буйствомъ танца,
 На берегахъ великихъ рѣкъ!

1916

Въ разноголосицѣ дѣвическаго хора
Всѣ церкви нѣжныя поютъ на голосъ свой,
И въ дугахъ каменныхъ Успенскаго собора
Мнѣ брови чудятся, высокія, дугой.

И съ укрѣпленнаго архангелами вала
Я городъ озираю на чудной высотѣ.
Въ стѣнахъ Акрополя печаль меня снѣдала,
По русскомъ имени и русской красотѣ.

Не диво ль дивное, что вертоградъ намъ снится,
Гдѣ рѣютъ голуби въ горячей синевѣ,
Что православные крюки поетъ черница:
Успенье нѣжное — Флоренція въ Москвѣ.

И пятиглавые московскіе соборы
Съ ихъ итальянскою и русскою душой
Напоминаютъ мнѣ — явленіе Авроры,
Но съ русскимъ именемъ и въ шубкѣ мѣховой.

1916

На розвальняхъ, уложенныхъ соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
Отъ Воробьевыхъ горъ до церковки знакомой
Мы ѣхали огромною Москвой.

А въ Угличѣ играютъ дѣти въ бабки,
И пахнетъ хлѣбъ, оставленный въ печи.
По улицамъ меня везутъ безъ шапки,
И теплятся въ часовнѣ три свѣчи.

Не три свѣчи горѣли, а три встрѣчи,
Одну изъ нихъ самъ Богъ благословилъ,
Четвертой не бывать, — а Римъ далече,
И никогда онъ Рима не любилъ.

Ныряли сани въ черные ухабы,
И возвращался съ гульбища народъ.
Худые мужики и злыя бабы
Лутили сѣмя у воротъ.

Сырая даль отъ птичьихъ стай чернѣла,
И связанные руки затекли.
Царевича везутъ—нѣмѣть страшно тѣло,
И рыжую солому подожгли.

1916

СОЛОМИНКА.

I

Когда, соломинка, ты спишь въ огромной спальнѣ
И ждешь, безсонная, чтобъ, важенъ и высокъ,
Спокойной тяжестью — что можетъ быть печальнѣй —
На вѣки чуткія спустился потолокъ,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сдѣлалась нѣжнѣй,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нѣтъ, соломинка скорѣй.

Въ часы безсонницы предметы тяжелѣе,
Какъ будто меньше ихъ — такая тишина —
Мерцаютъ въ зеркалѣ подушки, чуть бѣлѣя,
И въ кругломъ омутѣ кровать отражена.

Нѣтъ, не соломинка въ торжественномъ атласѣ,
Въ огромной комнатѣ надъ черною Невой,
Двѣнадцать мѣсяцевъ поютъ о смертномъ часѣ,
Струится въ воздухѣ ледъ блѣдно-голубой.

Декабрь торжественный струить свое дыханье,
Какъ будто въ комнатѣ тяжелая Нева.
Нѣтъ, не Соломинка, Лигейя, умиранье —
Я научился вамъ, блаженные слова.

II

Я научился вамъ, блаженные слова,
Леноръ, Соломинка, Лигейя, Серафита,
Въ огромной комнатѣ тяжелая Нева,
И голубая кровь струится изъ гранита.

Декабрь торжественный сіяетъ надъ Невой.
Двѣнадцать мѣсяцевъ поють о смертномъ часѣ.
Нѣтъ, не соломинка въ торжественномъ атласѣ
Вкушаетъ медленный, томительный покой.

Въ моей крови живетъ декабрьская Лигейя,
Чья въ саркофагѣ спитъ блаженная любовь,
А та, соломинка, быть можетъ Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

1916

— Я потеряла нѣжную камео,
Не знаю гдѣ, на берегу Невы.
Я римлянку прелестную жалѣю —
Чуть не въ слезахъ мнѣ говорили вы.

Но для чего, прекрасная грузинка,
Тревожить прахъ божественныхъ гробницъ?
Еще одна пушистая снѣжинка
Растаяла на вѣрѣ рѣсницъ.

И кроткую вы наклонили шею.
Камей нѣтъ — нѣтъ римлянки, уввы.
Я Тинотину смуглую жалѣю —
Дѣвичій Римъ на берегу Невы.

1916

Собирались эллины войною
На прелестный островъ Саламинъ.
Онъ, отторгнуть вражеской рукою,
Виденъ былъ изъ гавани Аѣинъ.

А теперь друзья-островитяне
Снаряжаютъ наши корабли.
Не любили раньше англичане
Европейской сладостной земли.

О, Европа, новая Эллада,
Охраняй Акрополь и Пирей.
Намъ подарковъ съ острова не надо,
Цѣлый лѣсъ незваныхъ кораблей.

1916

I

Мнѣ холодно. Прозрачная весна
Въ зеленый пухъ Петрополь одѣваетъ
Но, какъ медуза, невская волна
Мнѣ отвращенье легкое внушаетъ.
По набережной сѣверной рѣки
Автомобилей мчатся свѣтляки,
Летятъ стрекозы и жуки стальные,
Мерцаютъ звѣздъ булавки золотыя,
Но никакія звѣзды не убьютъ
Морской воды тяжелый изумрудъ.

II

Въ Петрополѣ прозрачномъ мы умремъ,
Гдѣ властвуетъ надъ нами Прозерпина.
Мы въ каждомъ вздохѣ смертный воздухъ пьемъ,
И каждый часъ намъ смертная година.
Богиня моря, грозная Аѳина,
Сними могучій каменный шлемъ.
Въ Петрополѣ прозрачномъ мы умремъ,
Здѣсь царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916

1

Не вѣря воскресенья чуду,
 На кладбищѣ гуляли мы.
 — Ты знаешь, мнѣ земля повсюду
 Напоминаетъ тѣ холмы

.

.

Гдѣ обрывается Россія
 Надъ моремъ чернымъ и глухимъ.

2

Отъ монастырскихъ косогоровъ
 Широкий убѣгаетъ лугъ.
 Мнѣ отъ владимирскихъ просторовъ
 Такъ не хотѣлося на югъ,

Но въ этой темной, деревянной
И юродивой слободѣ
Съ такой монашкою туманной
Остаться — значить быть бѣдѣ.

3

Цѣлую локоть загорѣлый
И лба кусочекъ восковой.
Я знаю — онъ остался бѣлый
Подъ смуглой прядью золотой.
Цѣлую кисть, гдѣ отъ браслета
Еще бѣлѣтъ полоса.
Тавриды пламенное лѣто
Творить такія чудеса.

4

Какъ скоро ты смуглянкой стала
И къ Спасу бѣдному пришла,
Не отрываясь цѣловала,
А гордою въ Москвѣ была.
Намъ остается только имя:
Чудесный звукъ, на долгій срокъ.
Прими жъ ладонями моими
Пересыпаемый песокъ.

1916

Эта ночь непоправима,
А у васъ еще свѣтло.
У воротъ Ерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнѣе.
Баю, баюшки, баю,
Въ свѣтломъ храмѣ Іудей
Хоронили мать мою.

Благодати не имѣя
И священства лишены,
Въ свѣтломъ храмѣ Іудей
Отпѣвали прахъ жены.

И надъ матерью звенѣли
Голоса израильтянъ.
— Я проснулся въ колыбели,
Чернымъ солнцемъ осіянь

1916

ДЕКАБРИСТЪ

„Тому свидѣтельство языческій сенатъ —
Син дѣла не умирають.“

Онъ раскурилъ чубукъ и запахнулъ халатъ,
А рядомъ въ шахматы играютъ.

Честолюбивый сонъ онъ промѣнялъ на срубъ
Въ глухомъ урочищѣ Сибири
И вычурный чубукъ у ядовитыхъ губъ,
Сказавшихъ правду въ скорбномъ мірѣ.

Шумѣли въ первый разъ германскіе дубы,
Европа плакала въ тенетахъ,
Квадриги черныя вставали на дыбы
На триумфальныхъ поворотахъ.

Бывало, голубой въ стаканахъ пуншъ горить,
Съ широкимъ шумомъ самовара
Подруга рейнская тихонько говорить,
Вольнолюбивая гитара.

Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства,
Но жертвы не хотятъ слѣпыхъ небеса,
Върнѣе трудъ и постоянство.

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодѣя,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россія, Лета, Лорелея.

1917

МЕГАНОМЪ.

1

Еще далеко асфodelей
Прозрачно-сѣрая весна,
Пока еще на самомъ дѣлѣ
Шуршитъ песокъ, кипитъ волна.
Но здѣсь душа моя вступаетъ,
Какъ Персефона въ легкій кругъ,
И въ царствѣ мертвыхъ не бываетъ
Прелестныхъ загорѣлыхъ рукъ.

2

Зачѣмъ же лодкѣ довѣряемъ
Мы тяжесть урны гробовой
И праздникъ черныхъ розъ свершаемъ
Надъ аметистовой водой?

Туда душа моя стремится,
За мысь туманный Меганомъ,
И черный парусъ возвратится
Оттуда послѣ похоронъ.

3

Какъ быстро тучи пробѣгаютъ
Неосвѣщенною грядой,
И хлопья черныхъ розъ летаютъ
Подъ этой вѣтреной луной,
И, птица смерти и рыданья,
Влачится траурной каймой
Огромный флагъ воспоминанья
За кипарисною кормой.

4

И раскрывается съ шуршаньемъ
Печальный вѣеръ прошлыхъ лѣтъ
Туда, гдѣ съ темнымъ содроганьемъ
Въ песку зарылся амулетъ.
Туда душа моя стремится,
За мысь туманный Меганомъ,
И черный парусъ возвратится
Оттуда послѣ похоронъ.

Когда на площадяхъ и въ тишинѣ келейной
Мы сходимъ медленно съ ума,
Холоднаго и чистаго рейнвейна
Предложить намъ жестокая зима.

Въ серебряномъ ведрѣ намъ предлагаетъ стужа
Валгаллы бѣлое вино,
И свѣтлый образъ сѣвернаго мужа
Напоминаетъ намъ оно.

Но сѣверные скальды грубы,
Не знаютъ радостей игры,
И сѣвернымъ дружинамъ любы
Янтарь, пожары и пиры.

Имъ только снится воздухъ юга,
Чужого неба волшебство.
— И все таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

1917

Среди священниковъ левитомъ молодымъ
На стражѣ утренней онъ долго оставался.
Ночь іудейская сгущалась надъ нимъ,
И храмъ разрушенный угрюмо созидался.

Онъ говорилъ: Небесъ тревожна желтизна,
Ужъ надъ Евфратомъ ночь, бѣгите, іереи.
А старцы думали: Не наша въ томъ вина.
Се черно-желтый свѣтъ, се радость Іудеи.

Онъ съ нами былъ, когда на берегу ручья
Мы въ драгоцѣнный лень субботу пеленали
И семисвѣщникомъ тяжелымъ освѣщали
Іерусалима ночь и чадъ небытія.

1917

1

Золотистаго меду струя изъ бутылки текла
 Такъ тягуче и долго, что молвить хозяйка успѣла:
 Здѣсь, въ печальной Тавридѣ, куда насъ судьба занесла,
 Мы совсѣмъ не скучаемъ — и черезъ плечо поглядѣла.

2

Всюду Бахуса службы, какъ будто на свѣтѣ одни
 Сторожа и собаки. Идешь — никого не замѣтишь.
 Какъ тяжелыя бочки, спокойные катятся дни,
 Далеко въ шалашѣ голоса: не поймешь, не отвѣтишь.

3

Послѣ чаю мы вышли въ огромный, коричневый садъ,
 Какъ рѣсницы, на окнахъ опущены темныя шторы,
 Мимо бѣлыхъ колоннъ мы пошли посмотрѣть виноградъ,
 Гдѣ воздушнымъ стекломъ обливаются сонныя горы.

4

Я сказалъ: виноградъ какъ старинная битва живетъ,
Гдѣ курчавые всадники бьются въ кудрявомъ порядкѣ.
Въ каменистой Тавридѣ наука Эллады—и вотъ
Золотыхъ десятинь благородныя ржавыя грядки.

5

Ну, а въ комнатѣ бѣлой, какъ прялка, стоитъ тишина,
Пахнетъ уксусомъ, краской и свѣжимъ виномъ
изъ подвала.

Помнишь, въ греческомъ домѣ любимая всѣми жена,
Не Елена—другая—какъ долго она вышивала.

6

Золотое руно, гдѣ же ты, золотое руно—
Всю дорогу шумѣли морскія тяжелыя волны,
И, покинувъ корабль, натрудившій въ моряхъ полотно,
Одиссей возвратился, пространствомъ и временемъ
полный.

1917

Въ тотъ вечеръ не гудѣлъ стрѣльчатый лѣсъ органа.
Намъ пѣла Шуберта родная колыбель,
Шумѣла мельница, и въ пѣсняхъ урагана
Смѣялся музыки голубоглазый хмель.

Старинной пѣсни міръ коричневый, зеленый,
Но только вѣчно-молодой,
Гдѣ соловьиныхъ липъ рокошующія кроны
Съ звѣриной яростью качаетъ царь лѣсной.

И сила страшная ночного возвращенья,
Та пѣсня дикая, какъ черное вино.
Это двойникъ — пустое привидѣнье
Безмысленно глядитъ въ холодное окно.

1918

Твое чудесное произношенье,
Горячій посвистъ хищныхъ птицъ,
Скажу ль — живое впечатлѣнье
Какихъ то шелковыхъ рѣсницъ.

„Что“ — Голова отяжелѣла...
„Во“ — Это я тебя зову.
И далеко прошелестѣло:
Я тоже на землѣ живу.

Пусть говорятъ: любовь крылата.
Смерть окрыленнѣе стократъ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы къ ней летятъ.

И столько воздуха, и шелка,
И вѣтра въ шопотъ твоимъ,
И, какъ слѣпые, ночью долгой
Мы смѣсь безсолнечную пьемъ,

1918

TRISTIA

1

Я изучилъ науку разставанья
Въ простоволосыхъ жалобахъ ночныхъ.
Жують волю, и длится ожиданье,
Послѣдній часъ веселій городскихъ,
И чту обрядъ той пѣтушиной ночи,
Когда, поднявъ дорожной скорби грузъ,
Глядѣли въ даль заплаканныя очи,
И женскій плачь мѣшался съ пѣньемъ музъ.

2

Кто можетъ знать при словѣ — разставанье,
Какая намъ разлука предстоитъ,
Что намъ сулитъ пѣтушье восклицанье,
Когда огонь въ Акрополѣ горить,

И на зарѣ какой то новой жизни,
Когда въ сѣняхъ лѣниво волю жуешь,
Зачѣмъ пѣтухъ, глашатай новой жизни,
На городской стѣнѣ крылами бьетъ?

3

И я люблю обыкновенье пряжи,
Снуешь челнокъ, веретено жужжить.
Смотри, навстрѣчу, словно пухъ лебяжій,
Уже босая Делія летитъ.
О, нашей жизни скудная основа,
Куда какъ бѣденъ радости языкъ!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладокъ намъ лишь узнаванья мигъ.

4

Да будетъ такъ: прозрачная фигурка
На чистомъ блюдѣ глиняномъ лежитъ,
Какъ бѣличья распластанная шкурка,
Склонясь надъ воскомъ, дѣвушка глядитъ.
Не намъ гадать о греческомъ Эрѣбѣ,
Для женщинъ воскъ, что для мужчины медъ.
Намъ только въ битвахъ выпадаетъ жребій,
А имъ дано гадая умереть.

1918

ЧЕРЕПАХА

1

На каменныхъ отрогахъ Піэріи
Водили музы первый хороводъ,
Чтобы, какъ пчелы, лирники слѣпые
Намъ подарили іонійскій медъ.
И холодкомъ повѣяло высокимъ
Отъ выпукло-дѣвическаго лба,
Чтобы раскрылись правнукамъ далекимъ
Архипелага нѣжные гроба.

2

Бѣжитъ весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапожекъ,
И молоточками куютъ цикады,
Какъ въ пѣсенкѣ поется перстенекъ.

Высокій домъ построилъ плотникъ дюжій,
На свадьбу всѣхъ передушили куръ,
И растянулъ сапожникъ неуклюжій
На башмаки всѣ пять воловьихъ шкуръ.

3

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва безпалая ползеть,
Лежить себѣ на солнышкѣ Эпира,
Тихонько грѣя золотой животъ.
Ну, кто ее такую приласкаетъ,
Кто спящую ее перевернетъ?
Она во снѣ Терпандра ожидаетъ,
Сухихъ перстовъ предчувствуя налетъ.

4

Поить дубы холодная криница,
Простоволосая шумить трава,
На радость осамъ пахнетъ медуница.
О, гдѣ же вы, святые острова,
Гдѣ не ѣдятъ надломленного хлѣба,
Гдѣ только медъ, вино и молоко,
Скрипучій трудъ не омрачаетъ неба,
И колесо вращается легко.

1919

1

Идемъ туда, гдѣ разныя науки
 И ремесло — шашлыкъ и чебуреки,
 Гдѣ вывѣска, изображая брюки,
 Даетъ понятье намъ о человѣкѣ.
 Мужской сюртукъ — безъ головы стремленье,
 Цирюльника летающая скрипка
 И месмерическій утюгъ — явленье
 Небесныхъ прачекъ — тяжести улыбка...

2

Здѣсь дѣвушки старѣющія въ челкахъ
 Обдумываютъ странные наряды,
 И адмиралы въ твердыхъ треуголкахъ
 Припоминаютъ сонъ Шехеразеды.
 Прозрачна даль. Немного винограда,
 И неизмѣнно дуетъ вѣтеръ свѣжій.
 Недалеко отъ Смирны и Богдада,
 Но трудно плыть, а звѣзды всюду тѣ же.

1919

1

Въ хрустальномъ омутѣ какая крутизна!
 За насъ сіенскіе предстательствуютъ горы,
 И сумасшедшихъ скалъ колючіе соборы
 Повисли въ воздухѣ, гдѣ шерсть и тишина.

2

Съ висячей лѣстницы пророковъ и царей
 Спускается органъ, святого духа крѣпость,
 Овчарокъ бодрый лай и добрая свирѣпость,
 Овчины пастуховъ и посохи судей.

3

Вотъ неподвижная земля, и вмѣстѣ съ ней
 Я христіанства пью холодный горный воздухъ,
 Крутое Вѣрую и псалмопѣвца роздыхъ,
 Ключи и рубища апостольскихъ церквей.

4

Какая линія могла бы передать
 Хрусталь высокихъ нотъ въ эфирѣ укрѣпленномъ,
 И съ христіанскихъ горъ въ пространствѣ изумленномъ,
 Какъ Палестины пѣснь, нисходитъ благодать.

1919

Природа тотъ же Римъ, и отразилась въ немъ.
Мы видимъ образы его гражданской мощи
Въ прозрачномъ воздухѣ, какъ въ циркѣ голубомъ,
На форумѣ полей и въ колоннадѣ рощи.

Природа тотъ же Римъ, и кажется опять
Намъ незачѣмъ боговъ напрасно беспокоить,
Есть внутренности жертвъ, чтобъ о войнѣ гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить.

Только дѣтскія книги читать,
Только дѣтскія думы лелѣять,
Все большое далеко развѣять,
Изъ глубокой печали возстать.

Я отъ жизни смертельно усталъ,
Ничего отъ нея не приѣмлю,
Но люблю мою бѣдную землю,
Оттого что иной не видалъ.

Я качался въ далекомъ саду
На простой деревянной качели,
И высокія темныя ели
Вспоминаю въ туманномъ бреду.

Вернись въ смѣсительное лоно,
Откуда, Лія, ты пришла,
За то, что солнцу Иллиона
Ты желтый сумракъ предпочла.

Иди, никто тебя не тронетъ,
На грудь отца, въ глухую ночь,
Пускай главу свою уронить
Кровосмѣсительница — дочь.

Но роковая перемѣна
Въ тебѣ исполниться должна.
Ты будешь Лія — не Елена.
Не потому наречена,

Что царской крови тяжелѣе
Струится въ жилахъ, чѣмъ другой —
Нѣтъ, ты полюбишь іудея,
Исчезнешь въ немъ — и Богъ съ тобой.

О, этотъ воздухъ, смутой пьяный,
На черной площади Кремля
Качають шаткій „миръ“ смутьяны,
Тревожно пахнуть тополя.

Соборовъ восковые лики,
Колоколовъ дремучій лѣсъ,
Какъ бы разбойникъ безъязыкій
Въ стропилахъ каменныхъ исчезъ.

А въ запечатанныхъ соборахъ,
Гдѣ и прохладно, и темно,
Какъ въ нѣжныхъ глиняныхъ амфорахъ,
Играеть русское вино.

Успенскій, дивно округленный,
Весь удивленье райскихъ дугъ,
И Благовѣщенскій, зеленый,
И, мнится, заворкуеть вдругъ.

Архангельскій и Воскресенья
Просвѣчиваютъ, какъ ладонь —
Повсюду скрытое горѣнье,
Въ кувшинахъ спрятанный огонь...

* * *

1

Въ Петербургѣ мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили въ немъ,
И блаженное, бессмысленное слово
Въ первый разъ произнесемъ.
Въ черномъ бархатѣ совѣтской ночи,
Въ бархатѣ всемірной пустоты,
Все поють блаженныхъ женъ родныя очи,
Все цвѣтутъ безсмертные цвѣты.

2

Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоитъ,
Только злой моторъ во мглѣ промчится
И кукушкой прокричитъ.

Мнѣ не надо пропуска ночного,
Часовыхъ я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я въ ночи совѣтской помолюсь.

3

Слышу легкій театральный шорохъ
И дѣвическое „ахъ“ —
И безсмертныхъ розъ огромный ворохъ
У Киприды на рукахъ.
У костра мы грѣмся отъ скуки,
Можетъ быть вѣка пройдутъ,
И блаженныхъ женъ родныя руки
Легкій пепель соберутъ.

4

Гдѣ то рядки красныя партера,
Пышно взбиты шифоньерки ложъ;
Заводная кукла офицера;
Не для черныхъ душъ и низменныхъ святошъ...
Что жъ, гаси, пожалуй, наши свѣчи
Въ черномъ бархатѣ всемірной пустоты,
Все поютъ блаженныхъ женъ крутыя плечи,
А ночного солнца не замѣтишь ты.

25 Ноября 1920 г.

На перламутровый челнокъ
Натягивая шелка нити,
О, пальцы гибкіе, начните
Очаровательный урокъ.

Приливы и отливы рукъ,
Однобразныя движенья,
Ты заклинаешь, безъ сомнѣнья,
Какой то солнечный испугъ,

Когда широкая ладонь,
Какъ раковина, пламенѣя,
То гаснетъ, къ тѣнямъ тяготѣя,
То въ розовый уйдетъ огонь.

Отъ легкой жизни мы сошли съ ума.
Съ утра вино, а съ вечера похмелье.
Какъ удержать напрасное веселье,
Румянецъ твой, о пьяная чума?

Въ пожатии рукъ мучительный обрядъ,
На улицахъ ночные поцѣлуи,
Когда рѣчныя тяжельются струи,
И фонари, какъ факелы, горять.

Мы смерти ждемъ, какъ сказочнаго волка,
Но я боюсь, что раньше всѣхъ умереть
Тотъ, у кого тревожно-красный ротъ
И на глаза спадающая челка.

Что поютъ часы-кузнечикъ,
Лихорадка шелестить,
И шуршить сухая печка, —
Это красный шелкъ горить.

Что зубами мыши точать
Жизни тоненькое дно,
Это ласточка и дочкѣ
Отвязала мой челнокъ.

Что на крышѣ дождь бормочетъ, —
Это черный шелкъ горить,
Но черемуха услышитъ
И на днѣ морскомъ простить.

Потому что смерть невинныхъ,
И ничѣмъ нельзя помочь,
Что въ горячкѣ соловьиной
Сердце теплое еще.

Уничтожаетъ пламень
Сухую жизнь мою,
И нынѣ я не камень,
А дерево пою.

Оно легко и грубо;
Изъ одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.

Вбивайте крѣпче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянномъ раѣ,
Гдѣ вещи такъ легки.

Мнѣ Тифлисъ горбатый снится,
Сазандарій стонъ звенить,
На мосту народъ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумить.

Надъ Курою есть духаны,
Гдѣ вино и милый пловъ,
И духанщикъ тамъ румяный
Подаетъ гостямъ стаканы
И служить тебѣ готовъ.

Кахетинское густое
Хорошо въ подвалѣ пить,
Тамъ въ прохладѣ, тамъ въ покоѣ
Пейте вдоволь, пейте двое:
Одному не надо пить.

Въ самомъ маленькомъ духанѣ
Ты товарища найдешь,
Если спросишь Теліани.
Поплыветъ Тифлисъ въ туманѣ,
Ты въ духанѣ поплывешь.

Американка въ двадцать лѣтъ
Должна добраться до Египта,
Забывъ Титаника совѣтъ,
Что спать на днѣ мрачнѣе крипта.

Въ Америкѣ гудки поютъ,
И красныхъ небоскребовъ трубы
Холоднымъ тучамъ отдають
Свои прокопченныя губы.

И въ Луврѣ океана дочь
Стоитъ, прекрасная, какъ тополь,
Чтобъ мраморъ сахарный толочь,
Влѣзаетъ бѣлкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читаетъ Фауста въ вагонѣ
И сожалѣть, отчего
Людовикъ больше не на тронѣ.

Сестры-тяжесть и нѣжность, одинаковы ваши примѣты,
Медуницы и осы тяжелую розу сосутъ,
Человѣкъ умираетъ, песокъ остываетъ согрѣтый,
И вчерашнее солнце на черныхъ носилкахъ несутъ.

Ахъ, тяжелыя соты и нѣжныя сѣти,
Легче камень поднять, чѣмъ вымолвить слово—любить,
У меня остается одна забота на свѣтѣ,
Золотая забота, какъ времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившійся воздухъ,
Время вспахано плугомъ, и роза землею была,
Въ медленномъ водоворотѣ тяжелыя нѣжныя розы,
Розы тяжесть и нѣжность въ двойные вѣнки заплела.

1920

1

Я наравнѣ съ другими
Хочу тебѣ служить,
Отъ ревности сухими
Губами вожить.
Не утоляетъ слово
Мнѣ пересохшихъ устъ,
И безъ тебя мнѣ снова
Дремучій воздухъ пусть.

2

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И самъ себя несу я,
Какъ жертву, палачу.

Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь;
На дикую, чужую,
Мнѣ подмѣнили кровь.

3

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебѣ:
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебѣ.
И, словно преступленье,
Меня къ тебѣ влечетъ
Искусанный, въ смятеньи,
Вишневый нѣжный ротъ.

4

Вернись ко мнѣ скорѣе:
Мнѣ страшно безъ тебя.
Я никогда сильнѣе
Не чувствовалъ тебя.
И въ полунощной драмѣ,
Во снѣ иль на яву,
Въ тревогѣ иль въ истомѣ —
Но я тебя зову.

1920

1

Чуть мерцаетъ призрачная сцена,
Хоры слабыя тѣней,
Захлესнула шелкомъ Мельпомена
Окна храмины своей.
Чернымъ таборомъ стоять кареты,
На дворѣ морозъ трещить,
Все космато: люди и предметы,
И горячій снѣгъ хруститъ.

2

Понемногу челядь разбираетъ
Шубъ медвѣжьихъ вороха,
Въ суматохѣ бабочка летаетъ,
Розу кутаютъ въ мѣха.

Модной пестряди кружки и мошки,
Театральный легкій жаръ,
А на улицѣ мигаютъ плошки,
И тяжелый валить паръ.

3

Кучера измаялись отъ крика,
И кромѣшна ночи тьма,
Ничего, голубка Эвридика,
Что у насъ студеная зима.
Слаще пѣнья итальянской рѣчи
Для меня родной языкъ,
Ибо въ немъ таинственно лепечетъ
Чужеземныхъ арфъ родникъ.

4

Пахнетъ дымомъ бѣдная овчина,
Отъ сугроба улица черна,
Изъ блаженного, пѣвучаго притона
Къ намъ летитъ безсмертная весна,
Чтобы вѣчно арія звучала
„Ты вернешься на зеленые луга“ —
И живая ласточка упала
На горячіе снѣга.

ВЕНИЦЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

1

Веницейской жизни мрачной и безплодной
Для меня значеніе свѣтло,
Вотъ она глядитъ съ улыбкою холодной
Въ голубое дряхлое стекло.

2

Тонкій воздухъ, кожи синія прожилки,
Бѣлый снѣгъ, зеленая парча,
Всѣхъ кладутъ на кипарисныя носилки,
Сонныхъ, теплыхъ вынимаютъ изъ плаща.

3

И горять, горять въ корзинахъ свѣчи,
Словно голубь залетѣлъ въ ковчегъ,
На театрѣ и на праздномъ вѣчѣ
Умираетъ человѣкъ.

4

Ибо нѣтъ спасенья отъ любви и страха,
 Тяжелѣ платины Сатурново кольцо,
 Чернымъ бархатомъ завѣшенная плаха
 И прекрасное лицо.

5

Тяжелы твои, Венеція, уборы,
 Въ кипарисныхъ рамахъ зеркала.
 Воздухъ твой граненый. Въ спальнѣ таютъ горы
 Голубого, дряхлаго стекла.

6

Только въ пальцахъ роза или склянка.
 Адриатика зеленая, прости,
 Что же ты молчишь, скажи, венеціанка?
 Какъ отъ этой смерти праздничной уйти?

7

Черный Вespеръ въ зеркалѣ мерцаетъ.
 Все проходитъ. Истина темна.
 Человѣкъ рождается. Жемчугъ умираетъ.
 И Сусанна старцевъ ждать должна.

1920

Мнѣ жалко, что теперь зима,
И комаровъ не слышно въ домѣ,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломѣ.

Стрекозы вьются въ синевѣ,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на головѣ —
Или напыщенная ода?

Совѣтовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитыхъ сливокъ вѣчень вкусъ
И запахъ апельсиновой корки.

Ты все толкуешь наобумъ,
Отъ этого ничуть не хуже.
Что дѣлать: самый нѣжный умъ
Весь помѣщается снаружи.

И ты пытаешься желтокъ
Взбивать разсерженною ложкой,
Онъ побѣлѣлъ, онъ изнемогъ —
И все-таки, еще немножко...

Въ тебѣ все дразнить, все поеть,
Какъ итальянская рулада.
И маленькій вишневый ротъ
Сухого просить винограда.

Такъ не старайся быть умнѣй,
Въ тебѣ все прихоть, все минута,
Въ тѣни отъ шапочки твоей
Венеціанская баута.

Декабрь 1920

Вотъ дароносица, какъ солнце золотое
Повисла въ воздухѣ — великолѣпный мигъ.
Здѣсь долженъ прозвучать лишь греческій языкъ:
Взять въ руки цѣлый міръ, какъ яблоко простое.

Богослуженія торжественный зенитъ,
Свѣтъ въ круглой храминѣ подъ куполомъ въ іюль,
Чтобъ полной грудью мы внѣ времени вдохнули
О луговинѣ той, гдѣ время не бѣжить.

И Евхаристія, какъ вѣчный полдень длится —
Всѣ причащаются, играютъ и поютъ,
И на виду у всѣхъ божественный сосудъ
Неисчерпаемымъ веселіемъ струится.

Когда Психея-жизнь спускается къ тѣнямъ
Въ полупрозрачный лѣсъ вослѣдъ за Персефоной,
Слѣпая ласточка бросается къ ногамъ
Съ стигійской нѣжностью и вѣткою зеленой.

Навстрѣчу бѣженкѣ спѣшить толпа тѣней,
Товарку новую встрѣчая причитаньемъ,
И руки слабыя ломають передъ ней
Съ недоумѣніемъ и робкимъ упованьемъ.

Кто держитъ зеркало, кто баночку духовъ ;
Душа вѣдь женщина, ей нравятся бездѣлки,
И лѣсъ безлиственный прозрачныхъ голосовъ
Сухія шалости кропятъ, какъ дождикъ мелкій.

И въ нѣжной сутолкѣ не зная, что начать,
Душа не узнаетъ прозрачныя дубравы,
Дохнетъ на зеркало и медлитъ передать
Лепешку мѣдную съ туманной переправы.

Возьми на радость изъ моихъ ладоней
Немного солнца и немного меда,
Какъ намъ велѣли пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрѣпленной лодки,
Не услыхать въ мѣха обутой тѣни,
Не перевозмочь въ дремучей жизни страха.

Намъ остаются только поцѣлуи,
Мохнатые, какъ маленькія пчелы,
Что умирають, вылетѣвъ изъ улья.

Они шуршатъ въ прозрачныхъ дебряхъ ночи,
Ихъ родина дремучій лѣсъ Тайгета,
Ихъ пища — время, медуница, мята.

Возьми жъ на радость дикій мой подарокъ —
Невзрачное сухое ожерелье
Изъ мертвыхъ пчелъ, медъ превратившихъ въ солнце.

СУМЕРКИ СВОБОДЫ.

1

Прославимъ, братья, сумерки свободы,
Великій сумеречный годъ.
Въ кипящія ночныя воды
Опущенъ грузный лѣсъ тенеть.
Восходишь ты въ глухіе годы,
О, солнце, судія-народъ.

2

Прославимъ роковое бремя,
Которое въ слезахъ народный вождь беретъ.
Прославимъ власти сумрачное бремя,
Ея невыносимый гнетъ.
Въ комъ сердце есть, тотъ долженъ слышать, время,
Какъ твой корабль ко дну идетъ.

Мы въ легіоны боевые
Связали ласточекъ, и вотъ
Не видно солнца, вся стихія
Щебечеть, движется, живетъ,
Сквозь сѣти сумерки густыя
Не видно солнца, и земля плыветъ.

Ну, что жъ, попробуемъ: огромный, неуклюжій,
Скрипучій поворотъ руля.
Земля плыветъ. Мужайтесь, мужи,
Какъ плугомъ, океанъ дѣля,
Мы будемъ помнить и въ летейской стужѣ,
Что десяти небесъ намъ стоила земля.

1

На страшной высотѣ блуждающій огонь,
 Но развѣ такъ звѣзда мерцаетъ?
 Прозрачная звѣзда, блуждающій огонь,
 Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

2

На страшной высотѣ земные сны горятъ,
 Зеленая звѣзда летаетъ.
 О, если ты звѣзда,—воды и неба братъ,
 Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

3

Чудовищный корабль на страшной высотѣ
 Несется, крылья расправляетъ.
 Зеленая звѣзда, въ прекрасной нищетѣ
 Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

4

Прозрачная весна надъ черною Невой
 Сломалась. Воскъ безсмертья таетъ.
 О, если ты звѣзда—Петрополь, городъ твой,
 Твой братъ, Петрополь, умираетъ.

ЛАСТОЧКА.

1

Я слово позабылъ, что я хотѣлъ сказать:
Слѣпая ласточка въ чертогъ тѣней вернется
На крыльяхъ срѣзанныхъ съ прозрачными играть.
Въ безпамятствѣ ночная пѣснь поется.

2

Не слышно птицъ. Безсмертникъ не цвѣтеть,
Прозрачны гривы табуна ночного,
Въ сухой рѣкѣ пустой челнокъ плыветъ,
Среди кузнечиковъ безпамятствуетъ слово.

3

И медленно растетъ какъ бы шатеръ иль храмъ,
То вдругъ прикинется безумной Антигоной,
То мертвой ласточкой бросается къ ногамъ
Съ стигійской нѣжностью и вѣткою зеленой.

4

О, если бы вернуть и зрячихъ пальцевъ стыдъ,
И выпуклую радость узнаванья,
Я такъ боюсь рыданья Аонидъ,
Тумана, звона и зіянья.

5

А смертнымъ власть дана любить и узнавать,
Для нихъ и звукъ въ персты прольется,
Но я забылъ, что я хочу сказать,
И мысль безплотная въ чертогъ тѣней вернется.

6

Все не о томъ прозрачная твердить,
Все ласточка, подружка, Антигона, ...
А на губахъ, какъ черный ледъ, горить
Стигійскаго воспоминанье звона.

1920

За то, что я руки твои не сумѣлъ удержать,
За то, что я предалъ соленыя нѣжныя губы,
Я долженъ разсвѣта въ дремучемъ акрополѣ ждать.
Какъ я ненавижу плакучіе древніе срубы.

Ахейскіе мужи во тѣмѣ снаряжаютъ коня,
Зубчатыми пилами въ стѣны вгрызаются крѣпко,
Никакъ не уляжется крови сухая возня,
И нѣтъ для тебя ни названія, ни звука, ни слѣпка.

Какъ могъ я подумать, что ты возвратишься, какъ
смѣлъ!

Зачѣмъ преждевременно я отъ тебя оторвался!
Еще не разсѣялся мракъ, и пѣтухъ не пропѣлъ,
Еще въ древесину горячій топоръ не врѣзался.

Прозрачной слезой на стѣнахъ проступила смола,
И чувствуетъ городъ свои деревянные ребра,
Но хлынула къ лѣстницамъ кровь и на приступъ
пошла,
И трижды приснился мужамъ соблазнительный
образъ.

Гдѣ милая Троя, гдѣ царскій, гдѣ дѣвичій домъ?
Онъ будетъ разрушенъ, высокій Пріамовъ скво-
решникъ.
И падаютъ стрѣлы сухимъ деревяннымъ дождемъ,
И стрѣлы другія растутъ на землѣ, какъ орѣшникъ.

Послѣдней звѣзды безболѣзненно гаснетъ уколъ,
И сѣрою ласточкой утро въ окно постучится,
И медленный день, какъ въ соломѣ проснувшійся
волъ
На стогнахъ шершавыхъ отъ долгаго сна шевелится.

Декабрь 1920

Исакій подъ фатой молочной бѣлизны
Стоить сѣдою голубятней,
И посохъ берeditъ сѣдя тишины
И чинъ воздушный сердцу внятнѣй.

Столѣтнихъ панихидъ блуждающій призракъ,
Широкой выносъ плащаницы,
И въ ветхомъ неводѣ генисаретскій мракъ
Великопостныя седмицы.

Ветхозавѣтнѣй дымъ на теплыхъ алтаряхъ
И іерея возгласъ сирѣй,
Смиренникъ царственный: снѣгъ чистѣй на плечахъ
И одичалыя порфиры.

Соборы вѣчные Софіи и Петра,
Амбары воздуха и свѣта,
Зернохранилища вселенскаго добра,
И риги новаго завѣта.

Не къ вамъ влечется духъ въ години тяжкихъ бѣдъ,
Сюда влачится по ступенямъ
Широкопасмурнымъ несчастья волчій слѣдъ,
Ему вовѣки не измѣнимъ.

Зане свободенъ рабъ, преодолевшій страхъ,
И сохранилось свыше мѣры
Въ прохладныхъ житницахъ, въ глубокихъ закромахъ
Зерно глубокой, полной вѣры.

1921.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Какъ этихъ покрывала и этого убора	7
Зѣфиринецъ	9
Въ равногласицѣ дѣвическаго хора	12
На развалинахъ, уложенныхъ соломой	13
Соломинка	15
Я потеряла вѣнчую камю	18
Собирались вѣлины войною	19
Мнѣ холодно	20
Не вѣря воскресенья чуду	22
Эта ночь непоправима	24
Декабристъ	25
Меганомъ	27
Когда на площадяхъ	29
Среди священниковъ	30
Золотистаго меду струя	31
Въ тотъ вечеръ не гудѣлъ	33
Твое чудесное произношеніе	34
Tristia	35
Черепаша	37
Идемъ туда, гдѣ разныя науки	39
Въ хрустальномъ омутѣ	40
Природа тотъ же Римъ	41
Только дѣтскія книги читать	42
Вернись въ смѣсительное лоно	43
О, это въ воздухѣ	44

Въ Петербургъ мы сойдемся снова	46
На перламутровый челонокъ	48
Отъ легкой жизни мы сошли съ ума	49
Что поютъ часы-кузнечикъ	50
Уничтожаетъ пламень	51
Мнѣ Тифлисъ горбатый снится	52
Американка въ двадцать лѣтъ	54
Сестры тяжесть и вѣжность	55
Я паравозъ съ другими	56
Чуть мерцаетъ призрачная сцена	58
Венеційская жизнь	60
Мнѣ жалко, что теперь зима	62
Вотъ дароносица	64
Когда Психея-жизнь	65
Возьми на радость изъ моихъ ладоней	66
Сумерки свободы	67
На страшной высотѣ блуждающій огонь	69
Ласточка	70
За то, что я руки твои не сумѣлъ удержать	72
Исакій подъ фатой молочной бѣлизны	74

Обложка и марка
работы
М. В. Добужинскаго.
Отпечатано
въ типографіи
Зинабургъ и Ко. въ Берлинѣ
въ 1922 году
для издательства
„Петрополисъ“.